

соціології, ни современное положеніе исторіи, которая, по выраженію Огюстэна Тьерри, „подавляет истину условными формулами», насъ на это не уполномочиваютъ. Ограничимся тѣмъ, что поставимъ себѣ нѣсколько самыхъ простыхъ вопросовъ.

Возможно-ли допустить хоть на мгновеніе, что одна только переменна образа правленія успокоить броженіе умовъ и пріостановить совершающуюся во всѣхъ слояхъ общества работу надъ пересозданіемъ всего существующаго? Что недовольство экономическимъ строемъ, возрастающій съ каждымъ днемъ, не захочетъ проявиться въ общественной жизни, какъ только наступятъ благопріятныя обстоятельства — дезорганизація власти?

Конечно, нѣтъ!

Возможно-ли, чтобы ирландскіе и англійскіе крестьяне не воспользовались первой представившейся возможностью, чтобы изгнать ненавистныхъ помѣщиковъ и завладѣть землей, о которой они мечтаютъ столько вѣковъ?

Возможно-ли, чтобы Франція, если только наступитъ новый 1848 годъ, ограничилась замѣной своего новаго Гамбетта какимъ-нибудь Клемансо и не испробовала, что можетъ дать *Коммуна* для улучшенія быта рабочихъ? Чтобы французскіе крестьяне, видя центральную власть униженной, не постарались завладѣть бархатными лугами своихъ сосѣдокъ — святыхъ сестеръ и плодородными полями толстыхъ буржуа, устроившихся около нихъ и все округляющихъ свои владѣнія? Возможно-ли, чтобы они не встали въ ряды борцовъ, предлагающихъ имъ поддержку для осуществленія мечты всего рабочаго народа: обезпеченнаго, хорошо оплачиваемаго труда?

Возможно-ли, чтобы крестьяне — будь то итальянцы, испанцы или славяне — не присоединились къ этому движенію?

Возможно-ли, чтобы рудокопы, изнуренные нуждой и страданіями, работающіе подъ вѣчнымъ страхомъ смерти, не постарались изгнать владѣльцевъ рудниковъ, какъ только они замѣтятъ малѣйшій признакъ дезорганизации среди своего начальства?

А мелкій ремесленникъ, ютящійся въ темномъ сыромъ подвалѣ, работающій день и ночь съ окоченѣлыми пальцами и пустымъ желудкомъ, выбивающійся изъ силъ, чтобы прокормить пять маленькихъ ртовъ, тѣмъ болѣе любимыхъ, чѣмъ они становятся блѣднѣе и прозрачнѣе отъ голода и лишеній? А этотъ несчастный, проводящій ночи подъ открытымъ небомъ, такъ какъ онъ не можетъ позволить себѣ роскоши — переночевать за пятакъ въ ночлежномъ домѣ? Неужели вы думаете, что они не постараются найти въ роскошныхъ дворцахъ теплаго угла для своихъ семействъ, болѣе достойныхъ и честныхъ во всякомъ случаѣ, чѣмъ семьи толстыхъ буржуа? Что они не мечтаютъ о томъ, чтобы въ магазинахъ коммуны было достаточно хлѣба для всѣхъ тѣхъ, которые не привыкли къ бездѣлю, достаточно одежды, чтобы покрыть какъ плечи несчастныхъ дѣтей рабочихъ, такъ и упитанныя тѣла дѣтей буржуа? Неужели вы думаете, что тѣ, которые ходятъ въ лохмотьяхъ, не знаютъ, что въ магазинахъ большого города есть достаточно припасовъ для удовлетворенія первыхъ нуждъ всѣхъ его жителей и что если-бы всѣ рабочіе трудились надъ производствомъ необходимыхъ предметовъ, вмѣсто того, чтобы чахнуть надъ выдѣлкой предметовъ роскоши, то выработаннаго ими хватило бы не только на ихъ коммуну, но и на сосѣднія?

Наконецъ, возможно-ли, чтобы народъ въ тотъ день, когда почувствуетъ въ себѣ силу, не постарался-бы осуществить все то, о чемъ онъ мечтаетъ столько лѣтъ и что само собой вырвется наружу въ критическій моментъ (вспомните осаду Парижа!)?

Здравый смыслъ человѣчества отвѣтилъ уже на эти вопросы, и вотъ его отвѣтъ:

Наступитъ всеобщая революція, которая вызоветъ потоки крови во всѣхъ странахъ Европы. При связяхъ, установившихся сейчасъ между отдѣльными государствами и при настоящемъ неустойчивомъ политическомъ равновѣсіи мѣстная революція невозможна, если только она будетъ сколько-нибудь продолжительна. Разразившись въ одной странѣ, она, какъ въ 1848 году, вызоветъ непремѣнно вспышки во всѣхъ остальныхъ, и революціонное пламя охватитъ сразу всю Европу.

Но если въ 1848 году возставшіе города возлагали большія надежды на переменну образа правленія и на конституціонныя реформы, то сейчасъ, конечно, это невозможно. Парижскій рабочій не будетъ ждать, чтобы правительство — будь то даже свободная Коммуна — исполнило его завѣтныя желанія. Онъ самъ возьмется за дѣло и скажетъ: „Такъ, по крайней мѣрѣ, что-нибудь будетъ сдѣлано!»

Русскій народъ не будетъ ждать, чтобы учредительное собраніе даровало ему землю, которую